

Ассистент тоже человек, и от такого обращения он давно уже был в ярости. А заметив, что Шуй Сэньсэнь ведет себя явно неадекватно, он, едва услышав её слова, поспешил покинуть съемочную площадку.

Как только вокруг не осталось ни души, Шуй Сэньсэнь набрала номер:

— Бань Цзинлинь! Кто-то узнал! Му Дуню всё знает! — её голос становился всё выше и выше, срываясь на пронзительный визг. — Если всё раскроется, тебе тоже не сдобровать!

Внезапно лицо Шуй Сэньсэнь залил неестественный румянец, и она прошептала:

— У тебя ведь есть способ, правда? Раз уж мы смогли убить Му Минцзэ, значит, сможем убить и Му Дуню, так ведь?

Му Дуню вернулся домой поздно вечером, когда его подвез Сяо Дуншу. В подъезде было пусто, и в тишине гулко отдавались лишь его собственные шаги. Внезапно на него навалилась такая усталость, какой он не чувствовал даже рядом с Шуй Сэньсэнь.

За две прожитые жизни у него так и не появилось ни одного настоящего друга. В обычные дни это не тяготило, но сейчас, когда не с кем было поделиться ни горем, ни радостью, даже такой стойкий человек, как Му Дуню, почувствовал острое одиночество.

Подойдя к двери, он пошарил по карманам, но ключей не обнаружил. Раздражение вспыхнуло внутри.

В этот момент дверь внезапно распахнулась, и на лестничную клетку упал теплый свет. Лицо Цзя Циньи в этом освещении казалось невероятно мягким, а голос прозвучал удивительно нежно:

— Сяо Дуншу сказал, что ты оставил ключи в машине. Я так и подумал, что ты стоишь под дверью.

Он отошел в сторону, пропуская гостя:

— Заходи.

Му Дуню замер, глядя на него. В груди словно что-то взорвалось, и недавняя тоска исчезла без следа, стоило лишь этому человеку улыбнуться и произнести пару слов. Казалось, кто-то погрузил его сердце в теплую воду, даря невыразимое чувство уюта и участия.

Цзя Циньби, конечно, не догадывался о таких сложных душевных метаниях. Он прошел вглубь комнаты, но, не услышав шагов за спиной, обернулся. Его цель по-прежнему застыла на пороге.

— Что такое? — удивился он.

Му Дуню бросил на него странный, нечитаемый взгляд.

— Ничего.

Войдя в дом, он увидел на обеденном столе дымящиеся блюда и снова замер.

Цзя Циньби, заметив, что Му Дуню смотрит на него так, что по коже бегут мурашки, почувствовал себя неловко. Неужели он что-то сделал не так? Поразмыслив, он не нашел ничего странного, поэтому просто подошел и крепко хлопнул того по плечу:

— Ау! Очнись! Давай быстрее ешь, после ужина у нас еще дела!

Эта фраза разрушила всю сентиментальность Му Дуню. Он мгновенно вернулся в свое обычное спокойное состояние и пошел на кухню за приборами.

Еду готовил повар клана Цзя, так что вкус был выше всяких похвал. Один весь день снимался, другой провел его в перелетах — оба проголодались и с аппетитом принялись за ужин.

Возможно, из-за царившей уютной атмосферы после еды Му Дуню вызвался помыть посуду. Цзя Циньби развалился на стуле, поглаживая округлившийся живот, и недовольно нахмурился.

Ох, как же я объелся.

Но стоило Му Дуню обернуться, как он тут же выпрямился, приняв такой деловой вид, будто готовился к важному совещанию, и ничто в нем не выдавало того дурашливого настроения.

— Что касается обучения, я планирую начать сегодня, — сказал Цзя Циньби. — У тебя отличная актерская игра, ты совсем не боишься камеры, что для новичка большая редкость. Но есть один нюанс.

— В своей игре ты подсознательно подражаешь Му Минцзэ. Я понимаю тебя, но слепое копирование рано или поздно загонит тебя в тупик. Твой путь еще долог, нельзя сейчас запарить себя в рамки одного образа.

— Измениться в одночасье нереально, но тебе повезло: режиссер Цзин славится своей

строгостью и перфекционизмом. Звук бандита станет для тебя лучшим точильным камнем.

Цзя Циньши прищурился. Слегка задрав подбородок, он посмотрел на Му Дуню сверху вниз:

— А я стану твоим лучшим спарринг-партнером и наставником.

Му Дуню смотрел на него, и давнее сомнение наконец прорвалось наружу. Если даже режиссер Цзин не заметил изъянов в его игре, как Цзя Циньши разглядел их за одну короткую пробу? А если вспомнить глубже: когда он, будучи русалкой, был спасен Цзя Циньши, тот оказался в море как раз в то время, когда рыбацкие суда уже возвращались обратно, и никто в здравом уме не вышел бы в море. Тем не менее Цзя Циньши появился, да еще и сразу нашел пещеру на скалистом острове, чтобы спрятаться.

Теперь Му Дуню казалось, что всё это было подстроено Цзя Циньши.

Но это не имело значения. Му Дуню чувствовал, что в Цзя Циньши нет ни капли зла. Он действительно хотел помочь ему закрепиться в шоу-бизнесе и искренне ценил его талант. Именно эта искренность позволила Му Дуню отбросить все вопросы и принять помощь.

— Начнем.

Остаток вечера прошел в учебе. Чем дольше Му Дуню находился рядом с Цзя Циньши, тем больше поражался его таланту. Сложные хитросплетения шоу-бизнеса в его изложении становились прозрачными и логичными. Он с легкостью находил недостатки в игре Му Дуню и давал дельные советы. Он учил его, как выстраивать отношения со СМИ, чтобы всегда оставаться любимцем публики и не наживать врагов среди журналистов. Цзя Циньши мог парой фраз решить сложнейшую проблему или мастерски использовать ресурсы, чтобы сокрушить врага.

Безусловно, у Му Дуню был дар, но кое-что невозможно компенсировать одним лишь талантом. У Цзя Циньши, помимо дара, были системное образование и множество бесценных возможностей. Его мастерство, кругозор и опыт открыли перед Му Дуню новый, огромный мир.

Му Дуню, словно губка, впитывал знания и даже перестал обращать внимание на Шуй Сэньсэнь. Однако то, что он не искал с ней конфликта, не означало, что она оставит его в покое.

Съемки в интерьерах завершились, и группа перешла к экшен-сценам погони по городу. Тело русалки обладало поразительной гибкостью, поэтому Му Дуню осваивал движения каскадеров с первого раза. В этой сцене Цюй Линь, спасаясь от полиции, в отчаянии выбивал окно и прыгал на крышу соседнего здания.

Оценив свои силы, Му Дуню решил, что может выполнить трюк на страховке самостоятельно,

без дублера, что облегчило бы съемку и монтаж. Режиссер дал добро, и после многократной проверки безопасности тросов сцена началась.

Цюй Линь смотрел на поверженного врага с торжествующей улыбкой. Он подошел к Цинъюю и произнес вкрадчивым, зловещим голосом:

— Цинъюй, я же говорил: никто из предателей от меня не уйдет.

Цзя Циньи, игравший Цинъюя, холодно посмотрел на него. Остатки вины давно были стерты бесконечными покушениями, зато желание убить этого человека разгорелось с новой силой:

— Цюй Линь, доказательства твоих преступлений уже в полиции. Даже если ты схватишь меня, тебе не уйти от правосудия!

Цюй Линь усмехнулся, ловко выхватил нож и провел лезвием вдоль лица Цинъюя. Его взгляд, полный жадного огня, заставлял содрогнуться:

— Ты прав. Раз уж мне не сбежать, давай сыграем по-крупному, чтобы потом не жалеть, а?

Цинъюй помрачнел, всем видом показывая, что готов к расправе, и глухо ответил:

— Делай что хочешь! — в то же время его руки, скованные за спиной, начали медленно двигаться.

Цюй Линь замер. Нож в его руке исчез, словно по волшебству, и тут же раздался визг Шуй Сэньсэнь: лезвие вонзилось в стену в миллиметре от её головы. Ошибка на долю секунды могла стоить ей жизни.

Этого не было в сценарии. Все были шокированы, глядя на дрожащий в стене нож. Шуй Сэньсэнь визжала не по роли — она была по-настоящему напугана. По идее, нож должны были добавить при монтаже, никто не ожидал, что Му Дуню метнет его по-настоящему.

И попал ведь точно в цель.

Актеры оцепенели, зато режиссер пришел в восторг. Он вскочил, внимательно следя за действиями на площадке, жестом приказав персоналу вернуться на места. Испуганной Шуй Сэньсэнь пришлось подавить крик.

Голос Цюй Линя эхом отдавался в тишине комнаты, а звук его сапог по полу напоминал шаги самой смерти:

— Цинъюй, я знаю, кто ты. Даже если я искромсаю тебя этим ножом, ты не издашь ни звука, — он подошел к Шуй Сэньсэнь, вплотную приблизившись к её лицу, и вдруг осклабился: — Но как насчет этой леди?

Он выдернул нож. Острое лезвие скользнуло по белоснежной шее, а его голос прозвучал как вздох восхищения:

— Такая прекрасная кожа... жаль будет, если она окрасится в красный. И такое красивое лицо... будет очень жаль его испортить...

Цинъюй закричал:

— Остановись!

В этот же миг дверь разлетелась в щепки, и в комнату ворвался спецназ во главе с начальником Цинъюя.

Цюй Линь мгновенно убрал нож и отступил. Оглядев комнату, он усмехнулся:

— Не ожидал, что вы так быстро доберетесь. Цинъюй, в этот раз я проиграл. Еще увидимся!

С этими словами он метнул нож в окно и бросился следом. Прежде чем спецназ успел среагировать, стекло разлетелось вдребезги. Осколки дождем посыпались на пол, и Цюй Линь, прикрываясь бликами солнца на стекле, прыгнул на соседнее здание.

Перед прыжком Му Дуню что-то почувствовал и обернулся. В сиянии разбитого стекла он краем глаза заметил, как на лице Шуй Сэньсэнь промелькнуло злорадство. Мозг не успел осознать происходящее, как началось падение. Страховочный трос, который должен был удержать его на полпути, не натянулся — раздался лишь неприятный скрежет, и он стремительно полетел вниз!

Сердце Му Дуню ушло в пятки. Он слышал крики и суматоху на площадке, но на высоте десятого этажа, с оборванным тросом и без единой точки опоры, что он мог сделать?

Через секунду он рухнет на землю и превратится в грудку мяса!

Цзя Циньи мгновенно вскочил, сбрасывая с себя страховку, но что бы он ни предпринял, спасти Му Дуню, зависшего в пустоте, было невозможно. Он мог лишь беспомощно наблюдать за его падением.

— Система! Есть способ спасти его?! — даже такой гордый человек, как Цзя Цинь, в этот момент взмолился о помощи.

Система Благодетель обычно была почти незаметна: выдавала задания, отчитывалась о прогрессе да хранила ту самую папку с данными в голове Цзя Цинь. Никаких тебе пространств для хранения или волшебных магазинов.

В спокойные дни Цзя Цинь даже сомневался, существует ли эта система на самом деле. Ему нравилась эта новая жизнь, но он терпеть не мог, когда им управляют. Простота системы была её единственным достоинством, но сейчас Цзя Цинь жалел, что у неё нет хоть каких-то реальных функций.

По крайней мере, он не был бы так беспомощен.

— Дзинь! Обнаружена опасность для цели задания. Прошу хоста немедленно приступить к спасению! — когда Цзя Цинь добежал до окна, голос системы прозвучал как нельзя кстати.

Он посмотрел вниз и увидел, что волосы Му Дуню снова стали синими и стремительно удлинились. Его ногти вытянулись, и одной рукой он намертво вцепился в стальной трос, который оборвался и зацепился за декоративную решетку этажом ниже. Сейчас он держался, но Цзя Цинь видел, как трос прорезал ладонь до кости, а кровь капала ему на лицо. Трос держался на честном слове, и любое движение могло привести к катастрофе.

Цзя Цинь огляделся, схватил бутафорский канат, велел остальным держать его, наскоро привязал другой конец и приготовился спускаться.

Режиссер Цзин знал характер брата и не стал его останавливать, лишь бросил:

— Будь осторожен!

Цзя Цинь кивнул:

— Держите крепче!

— Дзинь! Обнаружено, что способностей хоста недостаточно для спасения цели. Предлагается набор экстренной помощи. Стоимость: 1000 баллов. Только на время задания. У хоста недостаточно баллов... Обнаружен стартовый набор новичка. Можно использовать его в качестве залога. Согласны?

— Согласен!

Цзя Цинь обрадовался — оказывается, от этой системы есть хоть какой-то толк. Он не

раздумывая подтвердил. Режиссер, видя, что отговорить его нельзя, лишь постарался обеспечить страховку. Привязав веревку, Цзя Циньби без колебаний полез вниз по стене.

К счастью, ветра почти не было. Му Дуню висел чуть левее окна. Цзя Циньби добрался до нужной точки, когда система доложила:

— Набор экстренной помощи активирован. Хосту передается внутренняя энергия столетней выдержки. Идет принудительная загрузка внешних навыков... Загрузка завершена.

Цзя Циньби почувствовал жар внизу живота, а в голове — прилив новых знаний. Он подумал о том, чтобы добраться до Му Дуню, и почувствовал, как в ладонях собирается энергия, позволяющая намертво прилипнуть к стене. Передвигаться стало легко даже без помощи веревки.

Кто сказал, что в мире боевых искусств не действует физика?!

Отбросив лишние мысли, он приблизился к Му Дуню. И тут он удивился. Издалека казалось, что тот держится на тросе, но теперь, с усиленным внутренним зрением, Цзя Циньби видел, что трос едва ли выдержал бы вес взрослого мужчины. На самом деле Му Дуню намертво приклеился к стеклу стены, не шелохнувшись.

Му Дуню следил за ним с того момента, как тот начал спуск. Когда он сорвался, инстинкты зверя взяли верх: он метнул трос, чтобы зацепиться за решетку, но эта сила лишь смягчила удар. Его правая рука держалась за трос, но левая, скрытая от глаз, пострадала гораздо сильнее.

Русалки — свирепые существа с острыми, как бритва, ядовитыми когтями. Перед лицом смерти вся маскировка Му Дуню слетела. Его когти, усиленные едким ядом, пронзили закаленное стекло, удерживая его тело, но ценой тому была изувеченная в мясо рука.

Когда Цзя Циньби оказался рядом, он увидел, что роскошные синие волосы русалки отросли до пояса, глаза потемнели, а в оскаленном рту блестели клыки.

Му Дуню смотрел на него — в этом облике не было ничего человеческого. Но Цзя Циньби не испугался. Самым нежным и уверенным голосом, на который был способен, он сказал:

— Дай мне руку.

Му Дуню на миг замешкался, в его глазах промелькнуло что-то сложное, но он без колебаний отпустил трос и обнял Цзя Циньби. Когда его тело отделилось от стены, стало видно, что стекло было пробито чем-то, что не под силу человеку.

— Хорошо, что тут никого нет, иначе были бы проблемы, — Цзя Циньби сохранял полное

спокойствие.

Он чувствовал, как Му Дуню крепко обнимает его. Одной рукой Цзя Цинь держался за стекло, а другой легко смахнул трос.

Му Дуню обернулся:

— Тебе не любопытно?

Они обнимались, их лица были на одном уровне. Когда Му Дуню повернулся, Цзя Цинь как раз наклонился, чтобы дать указания, и их губы случайно соприкоснулись.

Даже на такой высоте оба замерли. Но прежде чем страсти успели вспыхнуть, Цзя Цинь быстро отвел взгляд. В его голосе проскользнули резкие нотки, хотя кончики ушей предательски покраснели:

— Держись крепче, я заброшу тебя внутрь.

Не глядя на Му Дуню, он сосредоточился на действии. Нашупав раму, он пробормотал предупреждение и направил столетнюю энергию в ладонь. Мощный удар, сопоставимый с падением самолета, разнес стекло вдребезги. В следующую секунду он ловко схватился за раму и зашвырнул Му Дуню в комнату.

Только тогда Цзя Цинь облегченно вздохнул. Увидев, что Му Дуню встает, чтобы помочь ему, он крикнул тем, кто был наверху, чтобы его спустили. Оказавшись на твердой земле, он потянул Му Дуню подальше от разбитого окна.

— Они сейчас придут, — Цзя Цинь смотрел на осколки, намеренно забыв о случайном поцелуе. — Быстрее прими человеческий вид.

Му Дуню молча спрятал свои нечеловеческие части. Тепло на губах все еще ощущалось, и, чувствуя смятение, он спросил:

— Что ты хочешь получить от меня?

Он пришел в этот мир ради задания, и сближение с Му Дуню тоже было частью миссии. Но Цзя Цинь не считал его просто целью. Он был прирожденным лжецом, да, но знал: только искренность может вызвать искренность. За время общения он стал считать этого немногословного, но надежного человека своим другом, независимо от того, русалка он или человек. Именно поэтому он рискнул жизнью, спасая его, даже не зная о наборе экстренной помощи.

Если он умрет здесь, то отправится в другой мир, а Му Дуню умрет по-настоящему. У того впереди еще столько возможностей, столько невыполненных планов и не отомщенных обид. Цзя Цинь не мог позволить ему погибнуть.

Поэтому, что бы ни имел в виду Му Дуню, Цзя Цинь лишь вскинул брови, поднял подбородок и с гордой, искренней улыбкой ответил:

— Просто живи спокойно и стань королем киноэкрана, вот и всё.

Закончив, он обнял его за плечи:

— Конечно, мне бы хотелось, чтобы будущий король киноэкрана восхищался мной.

Русалка замерла. Он забыл о боли в руках, чувствуя, как янтарные глаза его друга — такие красивые — и этот дерзкий, самоуверенный тон заставляют его сердце биться чаще.

Если бы тогда, на холодном темном дне реки, кто-то вот так же спустился с небес и спас его... как же это было бы прекрасно.

<http://bllate.org/book/19860/1955135>